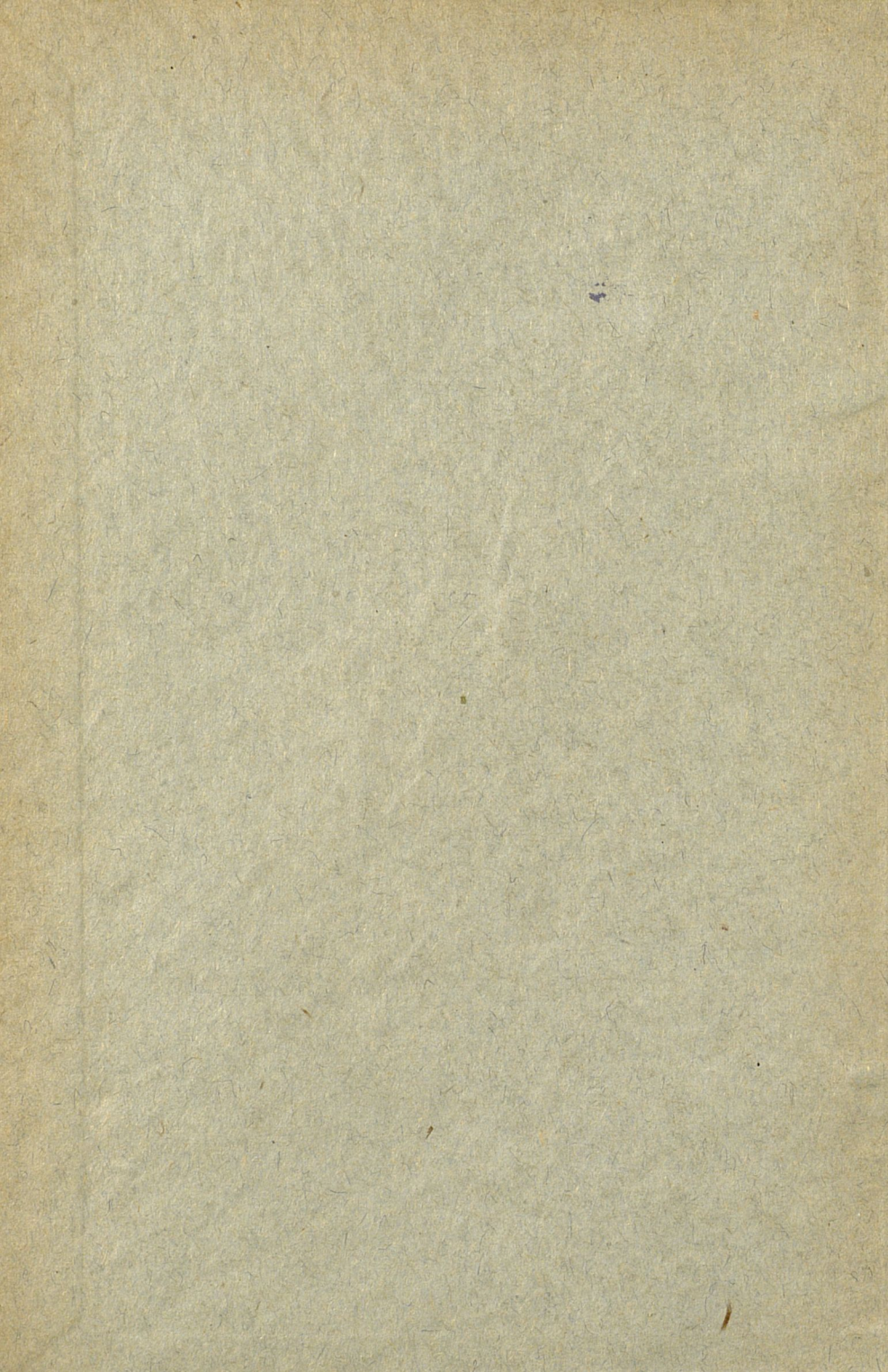

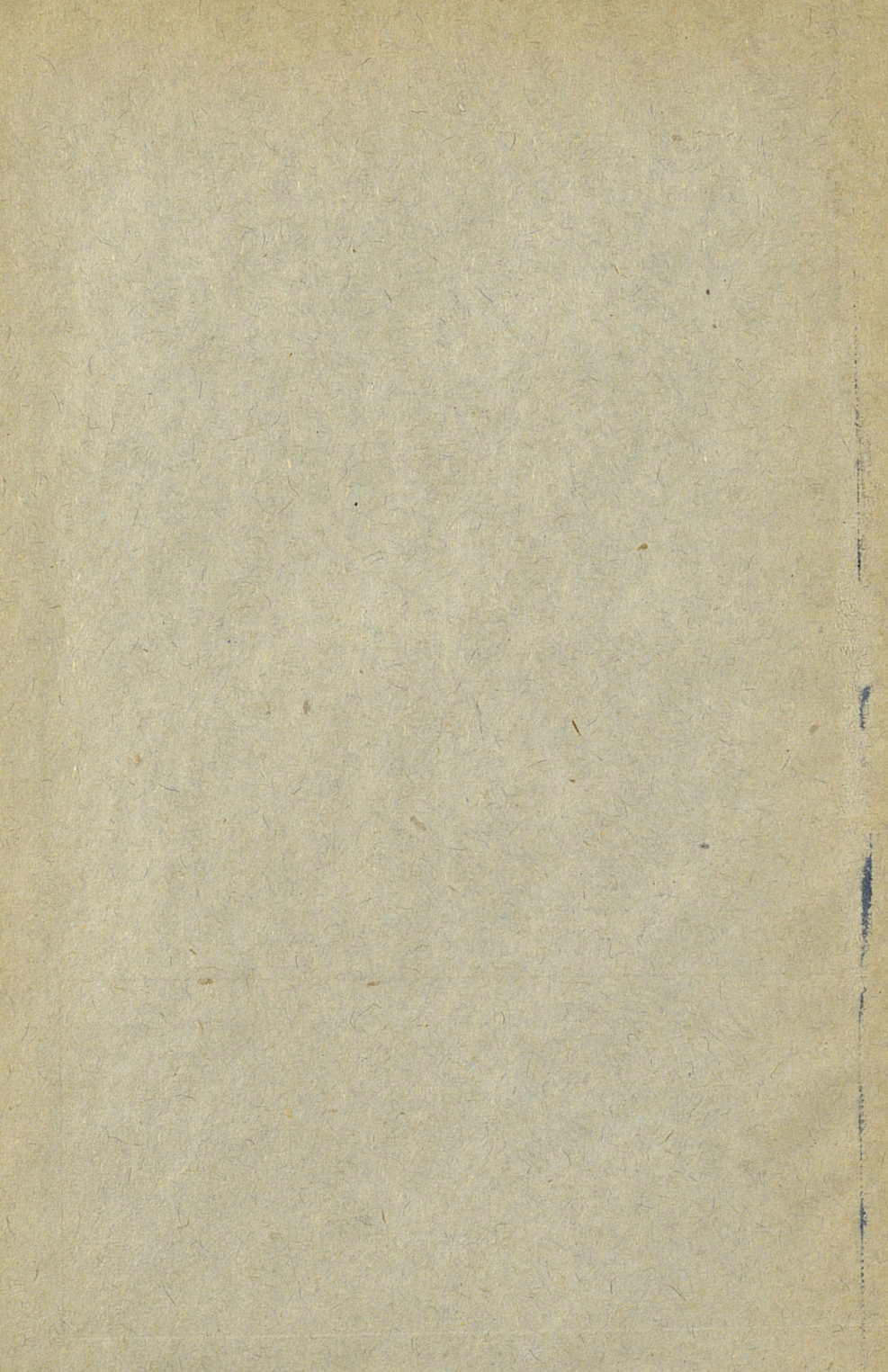
U

$$\frac{24}{1024}$$

U

$$\frac{24}{1024}$$

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ
БАСНИ и СКАЗКИ
О
ЗВѢРЯХЪ.

(По А. Н. АФАНАСЬЕВУ и др.)

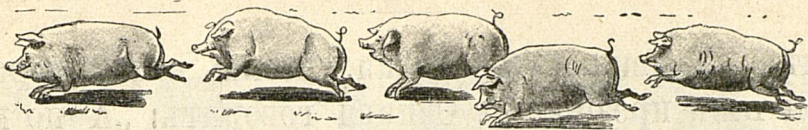
Составилъ **Ив. Теокистовъ.**

2007066759

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА.—1909.

I.

Зимовье звѣрей.

Шель быкъ лѣсомъ. Попадается ему навстрѣчу баранъ. „Куда, баранъ, идешь?“ спрашиваетъ быкъ. „Отъ зимы лѣта ищу“, отвѣчаетъ баранъ. „Пойдемъ со мною!“ говоритъ быкъ.

— Вотъ и пошли они вмѣстѣ. Попадается имъ навстрѣчу свинья. „Куда, свинья, идешь?“ спрашиваетъ быкъ. „Отъ зимы лѣта ищу“, отвѣчаетъ свинья. „Иди съ нами!“

Пошли втроемъ дальше. Навстрѣчу имъ попадается гусь. „Куда, гусь, идешь?“ спрашиваетъ быкъ. „Отъ зимы лѣта ищу“, отвѣчаетъ гусь. „Ну, иди за нами!“

Вотъ гусь и пошелъ за ними. Идутъ, а навстрѣчу имъ пѣтухъ. „Куда, пѣтухъ, идешь?“ спрашиваетъ быкъ. „Отъ зимы лѣта ищу“, отвѣчаетъ пѣтухъ. „Иди за нами!“

Вотъ идутъ они путемъ-дорогою и разговариваютъ промежъ себя: „Какъ же, братцы-товарищи: время приходитъ холодное, гдѣ тепла искать?“ Быкъ и сказываетъ: „Ну, давайте избу строить, а то и впрямъ зимою позамерзнемъ“. Баранъ гово-

рить: „У меня шуба теплая, — вишь какая шерсть! я и такъ прозимую“. Свинья говоритъ: „А по мнѣ хоть какіе морозы — я не боюсь: зароюсь въ землю и безъ избы прозимую“. Гусь говоритъ: „А я сяду въ середину ели, одно крыло постелю, а другимъ одѣнусь, — меня никакой холодъ не возьметъ; я и такъ прозимую“. Пѣтухъ говоритъ: „И я тожь!“

Быкъ видитъ — дѣло плохо: надо одному хлопотать. „Ну, — говоритъ, — вы какъ хотите, а я стану избу строить“. Выстроилъ себѣ избушку и живетъ въ ней.

Вотъ пришла зима холодная, стали пробирать морозы. Баранъ, дѣлать нечего, приходитъ къ быку: „Пусти, братъ, погрѣться“. — „Нѣтъ, баранъ, у тебя шуба теплая: ты и такъ прозимуешь. Не пущу!“ — „А коли не пустишь, то я разбѣгуся и вышибу дверь съ петель: тебѣ же будетъ холоднѣе“. Быкъ думаль-думаль: „дай пущу, а то и вправду меня заморозитъ“, и пустилъ барана.

Вотъ и свинья прозябла. Пришла къ быку: „Пусти, братъ, погрѣться“. — „Нѣтъ, не пущу; ты въ землю зароешься — и такъ прозимуешь!“ — „А не пустишь, такъ я рыломъ всѣ столбы подрою да твою избу уроню“. Дѣлать нечего, надо пустить, — пустилъ и свинью.

Тутъ пришли гусь и пѣтухъ: „Пусти, братъ, погрѣться“. — „Нѣтъ, не пущу; у васъ по два крыла: одно постелешь, другимъ одѣнешься — и такъ прозимуете!“ — „А не пустишь, — говоритъ гусь, — такъ я весь мохъ изъ твоихъ стѣнъ повыщиплю: тебѣ же холоднѣе будетъ“. — „Не пустишь, — говоритъ пѣ-

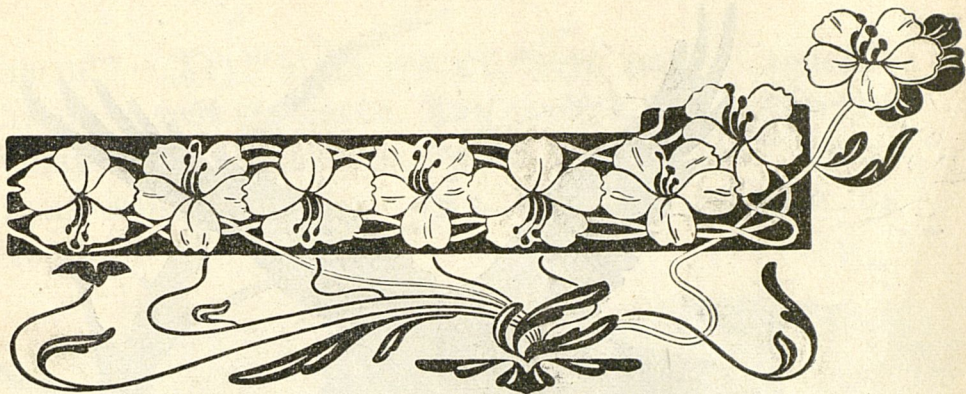

тухъ,—такъ я взлечу на чердакъ, всю землю съ потолка сгребу: тебѣ же холоднѣе будетъ“. Что дѣлать быку? — пустилъ жить къ себѣ и гуся и пѣтуха.

Вотъ и зажили они себѣ въ избушкѣ. Спознали про то волкъ и медвѣдь. „Пойдемъ,—говорятъ,—въ избушку; всѣхъ поѣдимъ, а сами станемъ тамъ жить“. Собрались и пришли къ избушкѣ. Медвѣдь говоритъ волку: „Иди ты впередъ!“ А волкъ говоритъ: „Мнѣ не управиться. Иди ты впередъ!“—„Ну, смотри же, не выдавай меня“, сказалъ медвѣдь и пошелъ въ избушку. Только вошелъ, быкъ и приперъ его рогами къ стѣнѣ, а баранъ разбѣжался да какъ ударить медвѣдя въ бокъ и сшибъ его, а свинья рветъ и мечетъ въ клочки, а гусь подлетѣлъ — глаза щиплетъ, а пѣтухъ сидитъ на перекладинѣ да кричитъ: „Подайте его сюда! подайте его сюда!“

Волкъ услыхалъ крикъ да бѣжать. Вотъ медвѣдь рвался-рвался, насилу вырвался, прибѣжалъ и рассказываетъ волку: „Ну, что мнѣ было! до-смерти чуть не забили! Да еще одинъ на перекладинѣ сидѣлъ да все кричалъ: подайте его сюда! подайте его сюда! Ну, если бы подали къ нему, кажись бы и смерть была!“

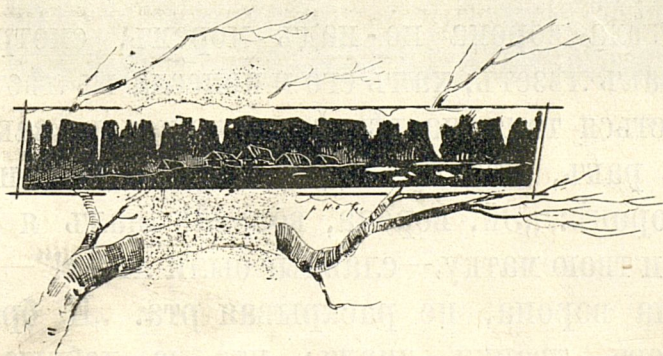

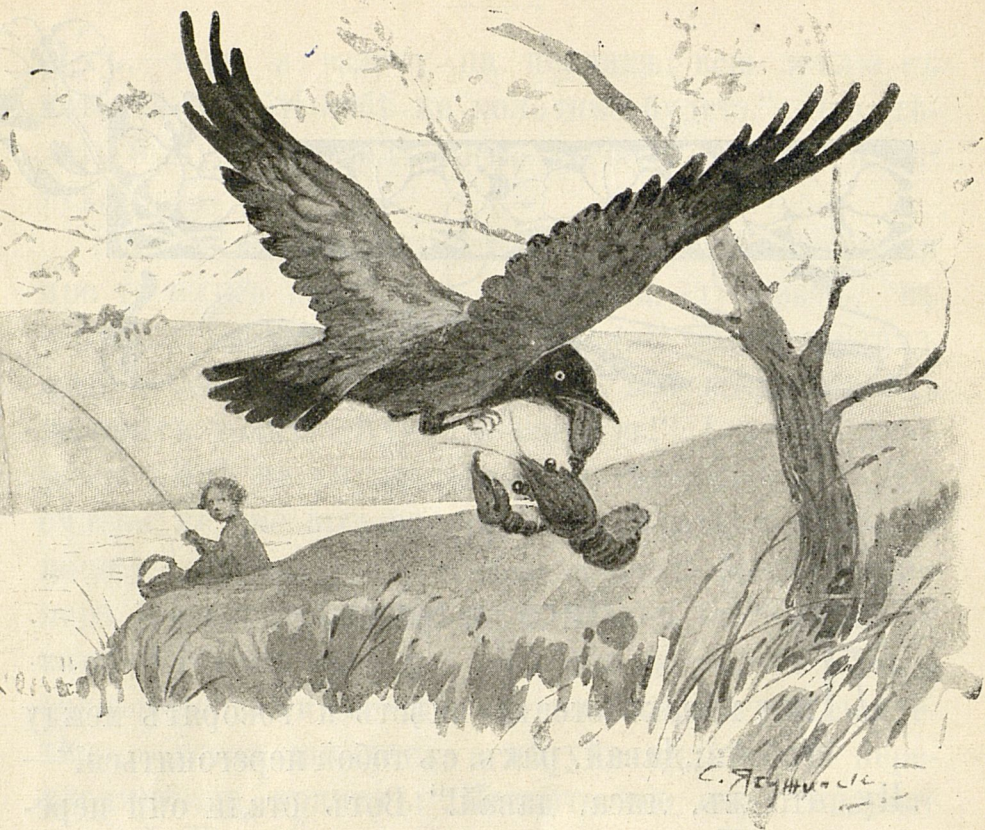

II.

Лиса и ракъ.

Лиса и ракъ стоятъ вмѣстѣ и говорятъ между собой: „Давай, ракъ, съ тобой перегоняться!“— „Ну, что жъ, лиса, давай!“ Вотъ стали они перегоняться. Только что лиса побѣжала, ракъ и уцѣпился ей за хвостъ. Добѣжала лиса до мѣста и обернулась посмотрѣть, гдѣ ракъ, а ракъ отцѣпился и говоритъ: „А я ужъ давно жду тебя тутъ!“

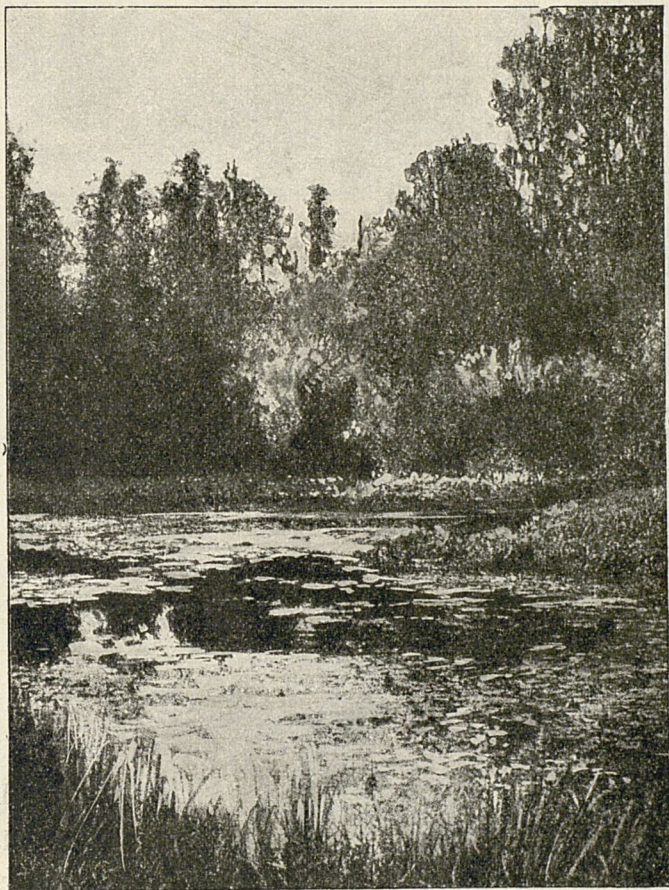

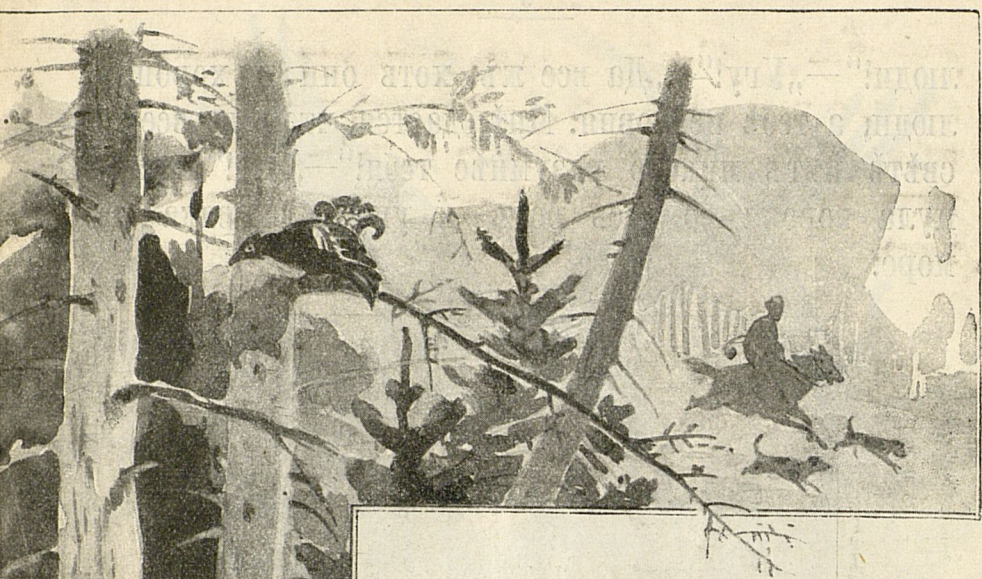
Ш.

Ворона и ракъ.

Летѣла ворона по-надъ моремъ, смотреть — ракъ лѣзеть; ханъ его и понесла въ лѣсъ, чтобы усѣсться тамъ на вѣткѣ и хорошенько закусить. Видитъ ракъ, что приходится пронадать, и говоритъ воронѣ: „Эй, ворона, ворона! зналъ я твоего батьку и твою матку, — славные были люди!“ — „Угу!“ отвѣчала ворона, не раскрывая рта. „И братьевъ и сестеръ твоихъ зналъ: что за добрые были

люди!“—„Угу!“—„Да все жъ, хоть они и хорошіе люди, а тебѣ не ровня. Мнѣ сдается, что и на всемъ свѣтѣ нѣтъ никого разумнѣ тебя!“—„Эге!“ брякнула ворона во весь ротъ—и упустила рака въ море.

IV.

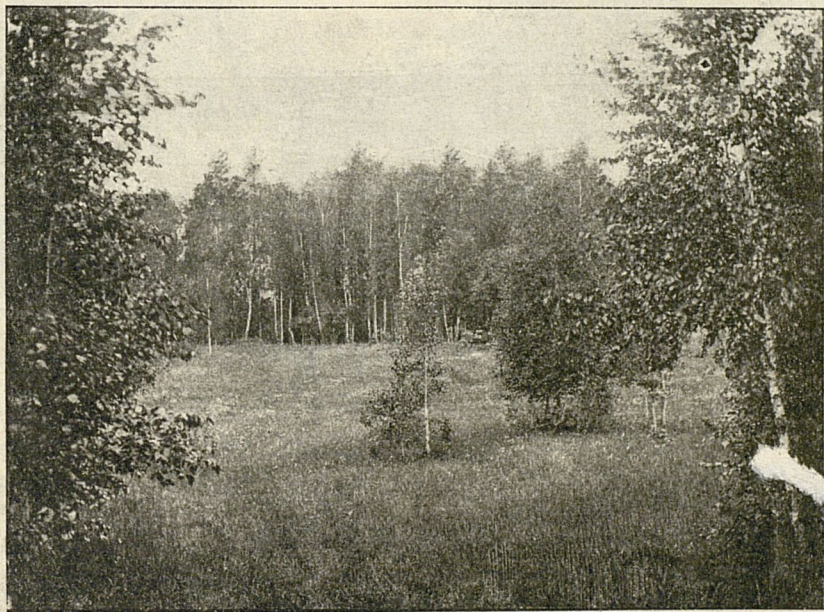
Лиса и тетеревъ.

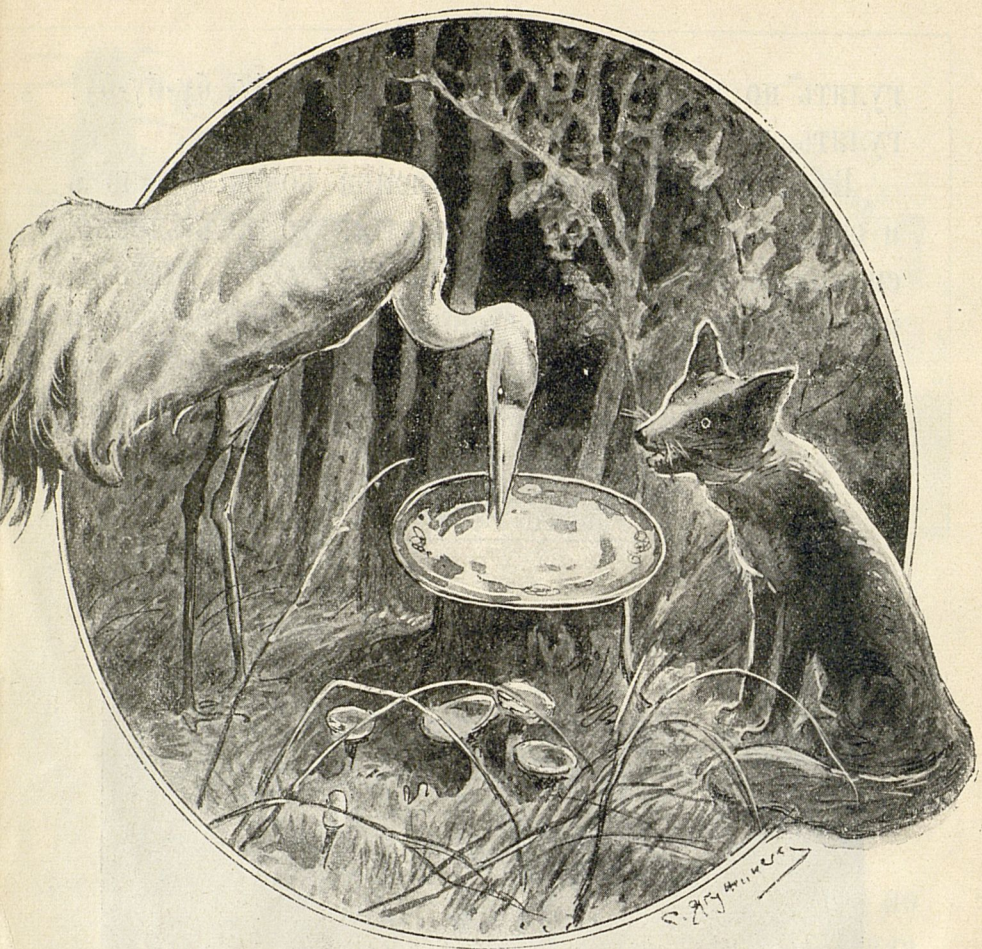
Бѣжала лиса по
лѣсу, увидала
на деревѣ те-
терева и го-
ворить ему:
„Терентій, Те-
рентій! я въ
городѣ была“.
— „Бу-бу-бу,
бу-бу-бу! бы-
ла, такъ бы-

ла“.— „Терентій, Терентій! я лѣуказъ добыла“.— „Бу-
бу-бу, бу-бу-бу! добыла, такъ добыла“.— „Чтобы
вамъ, тетеревамъ, не сидѣть по деревьямъ, а все бы

гулять по зеленымъ лугамъ“. — „Бу-бу-бу, бу-бу-бу!
гулять, такъ гулять“.

Въ это время услышала лисица конскій топотъ
и собачій лай. „Терентій, Терентій! кто тамъ ѣдетъ?“
спрашиваетъ она тетерева. „Мужикъ“. — „А кто за
нимъ бѣжитъ?“ — „Жеребенокъ“. — „А какъ у него
хвостъ-то?“ — „Крючкомъ“. — „Ну, такъ прощай, Те-
рентій: мнѣ дома недосугъ“.

V.

Лиса и журавль.

Лиса съ журавлемъ подружилась и даже покумилась съ нимъ у кого-то на крестинахъ. Вотъ и вздумала однажды лиса угостить журавля; пошла звать его въ гости: „Приходи, куманекъ! приходи, дорогой! ужъ какъ я тебя угощу!“ Идетъ журавль на званый пиръ, а лиса наварила манной каши, размазала ее по тарелкѣ, подала и потчуетъ:

„Покушай, мой голубчикъ-куманекъ: сама стряпала!“
 Вотъ журавль хлопъ-хлопъ носомъ по тарелкѣ, сту-
 чаль-стучаль—ничего не попадаетъ! А лисица въ
 это время лижетъ себѣ да лижетъ кашу; такъ всю
 сама и скушала. Каша съѣдена; лисица и гово-
 ритъ: „Не обезсудь, куманекъ: больше потчевать
 нечѣмъ“. — „Спасибо, кума, и на этомъ; приходи
 сама ко мнѣ въ гости“.

На другой день приходитъ лиса къ журавлю. А
 журавль приготовилъ окрошку, наклалъ ее въ кув-
 шинъ съ узкимъ горлышкомъ, поставилъ на столъ
 и говоритъ: „Кушай, кумушка: право, больше пот-
 чевать нечѣмъ!“ Вотъ лиса начала вертѣться во-
 кругъ кувшина: и такъ зайдетъ, и этакъ, и лиз-
 нетъ его, и понюхаетъ—все ничего не достанетъ: не
 лѣзетъ голова въ кувшинъ. А журавль межъ тѣмъ
 клюетъ себѣ да клюетъ, пока все поѣлъ. „Ну, не
 обезсудь, кума: больше угощать нечѣмъ“. Взяла
 лису досада: думала, что наѣстся на цѣлую не-
 дѣлю, а домой пошла, какъ не солоно хлебала.
 Какъ аукнулось, такъ и откликнулось!

Съ тѣхъ поръ и дружба у лисицы съ жура-
 влемъ врозь.

VI.

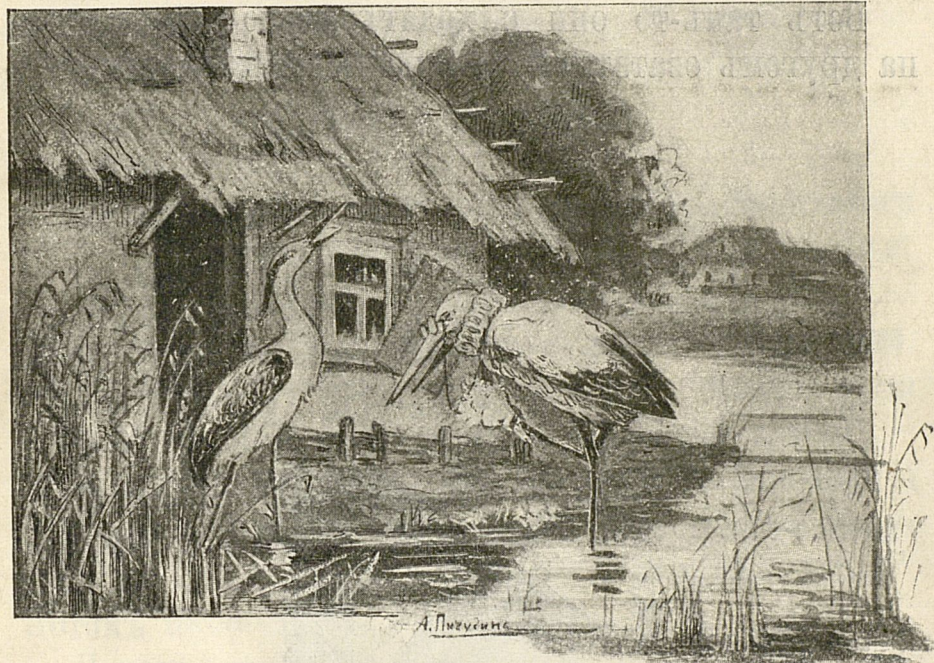
Журавль и цапля.

Жили-были на болотѣ журавль да цапля, построили себѣ по концамъ избушки. Журавлю показалось скучно жить одному, и онъ задумалъ жениться. „Дай пойду посватаюсь къ цаплѣ!“ Пошелъ журавль — тяпъ, тяпъ! семь верстъ болото мѣсилъ;

1909
С. Гунинский

приходить и говорить: „Дома ли цапля?“— „Дома!“— „Выйди за меня замужь“.— „Нѣтъ, журавль, не пойду за тебя замужь: у тебя ноги долги, платье коротко, самъ худо летаешь, и кормить-то меня тебѣ нечѣмъ! Ступай прочь, долговязый!“ Журавль, какъ не солоно похлебать, ушелъ домой.

Цапля послѣ раздумалась и сказала: „Чѣмъ жить одной, лучше пойду замужь за журавля“. Приходить къ журавлю и говорить: „Журавль, возьми меня замужь!“— „Нѣтъ, цапля, мнѣ тебя не надо! не хочу жениться, не беру тебя замужь. Убирайся!“ Цапля заплакала со стыда и воротилась назадъ. А журавль раздумался и сказалъ: „Напрасно не взялъ за себя цаплю; вѣдь одному-то скучно. Пойду

теперь и возьму ее замуж". Приходить и говорить: „Цапля! я надумалъ на тебѣ жениться; иди за меня“. — „Нѣтъ, журавль, нейдѣ за тебя замужъ!“ Пошелъ журавль домой. Тутъ цапля раздумалась: „Зачѣмъ отказала? что одной-то жить? лучше за журавля пойдѣ!“ Приходить свататься, а журавль не хочетъ.

Вотъ такъ-то они и ходятъ по сѣ порѣ одинъ на другомъ свататься, да никакъ не женятся.

VI.

Звѣри въ ямѣ.

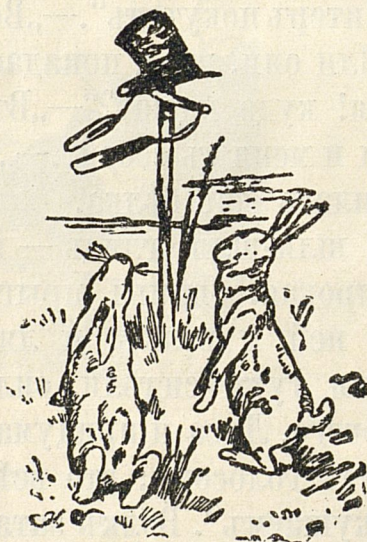
Шла свинья въ Питеръ покутить. Попадается ей волкъ навстрѣчу и спрашиваетъ: „Свинья, свинья! куда идешь?“ — „Въ Питеръ покутить“ — „Возьми и меня“ — „Пойдемъ, куманекъ“. Шли-шли, попадается лиса навстрѣчу: „Свинья, свинья! куда идешь?“ — „Въ Питеръ покутить“ — „Возьми и меня“ — „Иди, кума“. Шли они, шли, попадается имъ заяцъ: „Свинья, свинья! куда идешь?“ — „Въ Питеръ покутить“ — „Возьми и меня съ собой“ — „Ступай, косою“. Потомъ напросилась еще бѣлка.

И вотъ они шли-шли; глядь — на дорогѣ яма, глубокая и широкая. Свинья прыгнула и попала въ яму, а за ней и волкъ, и лиса, и заяцъ, и бѣлка. Долго они тутъ сидѣли, сильно проголодались: ѣсть-то нечего. Лиса и придумала: „Давайте, — говоритъ, — тянуть голосомъ: кто всѣхъ тоньше запоетъ, того и скушаемъ“. Волкъ затянулъ толстымъ голосомъ: „о-о-о!“ Свинья немного помягче: „у-у-у!“ Лиса и того мягче: „э-э-э!“ А заяцъ съ бѣлкою тонкимъ голосомъ: „и-и-и!“ Тотчасъ разорвали

звѣри зайца да бѣлку и съѣли со всеми косточками. На другой день лиса говоритъ: „Кто толще всѣхъ запоетъ, того и скушаемъ“. Волкъ всѣхъ толще затынулъ: „о-о-о-!“ — ну, его и съѣли.

А лиса мясо скушала—кишечки подъ себя спрятала; дня черезъ три сидитъ да ѣстъ себѣ кишечки, свинья и спрашиваетъ: „Что ты, кума, кушаешь? дай-ка мнѣ!“—„Эхъ, свинья! вѣдь я свои кишечки таскаю: разорви и ты свое брюхо, таскай кишечки и закусывай“. Свинья такъ и сдѣлала: разорвала свое брюхо—и досталась лисѣ на обѣдъ.

Осталась лиса одна одиныхонька въ ямѣ. Вылѣзла ль она отудова, или и теперь сидитъ,—право, не знаю.

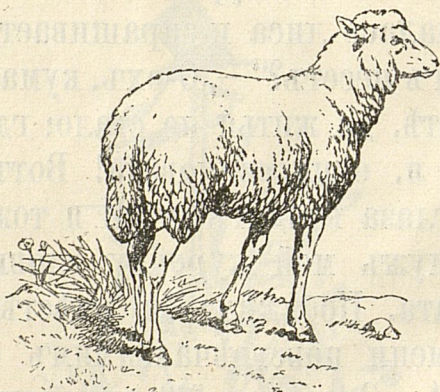

VIII.

Овца, лиса и волкъ.

У крестьянина изъ гурта бѣжала овца. Навстрѣчу ей попалась лиса и спрашиваетъ: „Куда тебя, кумушка, Богъ несетъ?“—„О-охъ, кума! была я у мужика въ гуртѣ, да житья не стало: гдѣ баранъ сдурить, а все я, овца, виновата! Вотъ и вздумала уйти, куда глаза глядятъ“.—„И я тоже,—отвѣчаетъ лиса:—гдѣ мужъ мой курочку словить, а все я, лиса, виновата. Побѣжимъ-ка вмѣстѣ“. Черезъ нѣсколько времени повстрѣчался имъ бирюкъ. „Здорово, кума!“—„Здравствуй!“ говоритъ лиса. „Далече ли бредешь?“ спрашиваетъ волкъ. А она въ отвѣтъ: „Куда глаза глядятъ!“—да какъ рассказала про свое горе, бирюкъ и молвилъ: „И я также: гдѣ волчица зарѣжетъ ягненка, а все я, бирюкъ, виноватъ. Пойдемте-ка вмѣстѣ“.

Пошли. Дорогою бирюкъ и говорить овцѣ: „А что, овца, вѣдь на тебѣ тулупъ-то мой!“ „Лиса“ услышала это и говорить: „Взаправду, кумъ, твой?“ — „Вѣрно, мой!“ — „Побожишься?“ — „Побожусь!“ — „И къ присягѣ пойдешь?“ — „Пойду!“ — „Ну, такъ иди же, цѣлуй присягу“. А лиса замѣтила, что мужики на тропинкѣ поставили капканъ; привела бирюка къ капкану и говорить: „Ну, вотъ здѣсь цѣлуй!“ Только что бирюкъ сдуру сунулся въ капканъ — капканъ щелкнулъ и ухватилъ его за морду. А лиса съ овцой тотчасъ убѣжали отъ него по-добру, по-здорову.

IX.

Волкъ и портной.

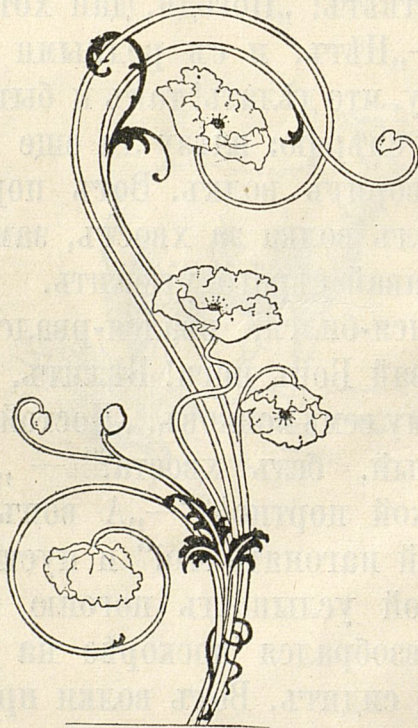
Бѣжитъ волкъ, а навстрѣчу ему портной. Волкъ и говоритъ: „Портной, я тебя съѣмъ!“ А портной ему въ отвѣтъ: „Погоди, дай хоть съ родными проститься“.—„Нѣтъ, и съ родными не дамъ проститься!“—„Ну, что дѣлать! такъ и быть, съѣшь. Дай только я тебя смѣряю: влѣзу ли еще въ тебя-то?“—„Смѣрай!“ говоритъ волкъ. Вотъ портной зашелъ сзади, ухватилъ волка за хвостъ, замоталъ хвостъ на руку—и давай сѣраго утюжить.

Волкъ бился-бился, рвался-рвался — оторвалъ хвостъ да давай Богъ ноги! Бѣжитъ, что есть силы, а навстрѣчу ему семь волковъ. „Постой,—говорятъ,— что ты, сѣрый, безъ хвоста?“ — „Портной оторвалъ!“—„Какой портной?“—„А вонъ идетъ по дорогѣ“.—„Давай нагонять его!“ и пустились за портнымъ. Портной услышалъ погоню — видитъ, что дѣло плохо, взобрался поскорѣе на дерево, на самый верхъ, и сидитъ. Вотъ волки прибѣжали и говорятъ: „Станемъ, братцы, доставать портного: ты,

кургузый, ложись подь-исподь, а мы на тебя да другъ на дружку уставимся, авось достанемъ!“ Кургузый легъ наземь, на него сталъ волкъ, на этого другой, на другого третій—все выше и выше. Вотъ ужъ послѣдній взлѣзаетъ.

Видитъ портной бѣду неминуемую: вотъ-вотъ достануть! — и закричалъ сверху: „Ну, ужъ никому такъ не достанется, какъ кургузому!“ Какъ выско-читъ кургузый изъ-подъ низу да бѣжать! А всѣ се-меро волковъ попадали наземь да за нимъ въ до-гонку; нагнали, — и ну его рвать, только ключья летятъ.

А портной слѣзъ съ дерева и пошелъ домой.

Медвѣдь и собака.

Жилъ себѣ мужикъ; у
 него была добрая со-
 бака, да какъ устарѣла —
 перестала и лаять и обере-
 гать дворъ съ амбарами. Не
 захотѣлъ мужикъ
 кормить ее хлѣбомъ
 и прогналъ со двора.
 Собака ушла въ лѣсъ

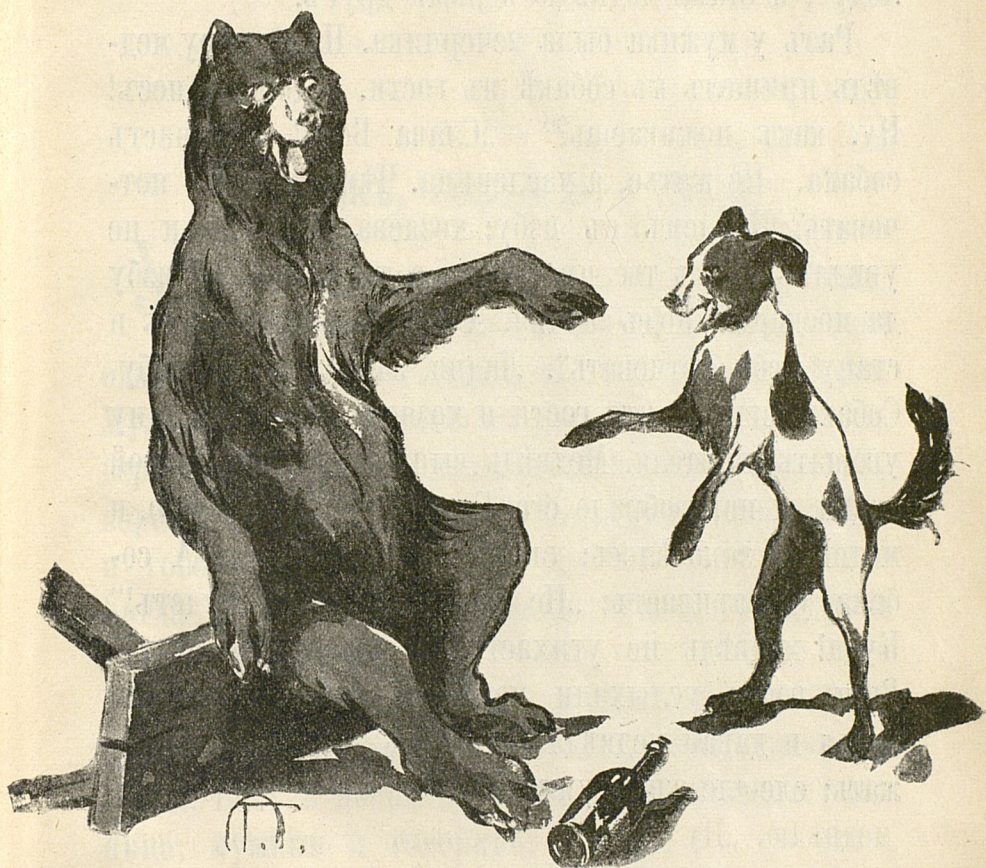
и легла подъ дерево издыхать. Вдругъ идетъ медвѣдь и спрашиваетъ: „Что ты, песъ, улегся здѣсь?“—„Пришелъ околѣвать съ голоду! Видишь, нынѣ какая у людей правда: покуда есть сила — кормятъ и поятъ, а какъ пронадетъ сила отъ старости — ну, и погоняютъ со двора вонъ!“—„А что, песъ, хочется ѣсть?“—„Еще какъ хочется-то!“—„Ну, пойдѣмъ со мною: я тебя накормлю“.

Вотъ и пошли. Попадается имъ навстрѣчу жеребецъ. „Гляди на меня!—сказалъ медвѣдь собакѣ и сталъ лапами рвать землю.—Песъ, а песъ!“—„Ну, что?“—„Посмотри-ка, красны ли мои глаза?“—„Красны, медвѣдь“. Медвѣдь еще сердитѣе началъ рвать землю. „Песъ, а песъ, что шерсть взъерошилась?“—„Взъерошилась, медвѣдь“. — „Песъ, а песъ! что, хвостъ поднялся?“—„Поднялся“. Вотъ медвѣдь схватилъ жеребца за брюхо, — жеребецъ упалъ наземь. Медвѣдь разорвалъ его и говоритъ: „Ну, песъ! ѣшь, сколько угодно; а какъ приберешь все, приходи ко мнѣ“.

Живетъ себѣ песъ, ни о чемъ не тужить; а какъ съѣлъ все да проголодался опять, побѣжалъ къ медвѣдю. „Ну что, братъ, съѣлъ?“—„Съѣлъ; теперь опять пришлось голодать“. — „Зачѣмъ голодать! знаешь ли, гдѣ ваши бабы жнутъ?“—„Знаю“. — „Ну, пойдѣмъ; я подкрадусь къ твоей хозяйкѣ и ухвачу изъ зыбки ребенка, а ты догоняй меня да отнимай его. Какъ отнимешь, и отнеси назадъ; она за то станетъ тебя по-старому кормить хлѣбомъ“.

Вотъ ладно, побѣжалъ медвѣдь, подкрался и унесъ ребенка изъ зыбки. Ребенокъ закричалъ, бабы

бросились за медвѣдемъ. Догоняли-догоняли, и не могли догнать, такъ и воротились; мать плачетъ, бабы тужать. Вдругъ откуда нѣ взялся песъ, догналъ медвѣдя, отнялъ ребенка и несетъ его на-

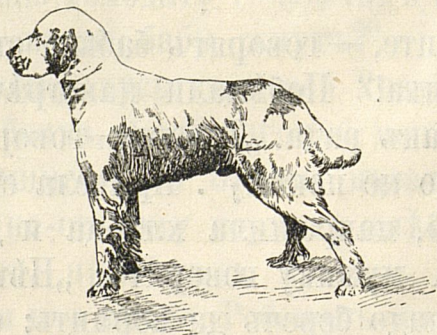

задъ. „Смотрите, — говорятъ бабы, — старый-то песъ отнялъ ребенка!“ Побѣжали навстрѣчу. Мать ужъ такъ рада, такъ рада. „Теперь, — говоритъ, — я этого пса ни за что не покину“. Привела его домой, налила молочка, накрошила хлѣбца и дала ему: „на покушай!“ А мужику говорить: „Нѣтъ, муженекъ, нашего пса надо беречь да кормить: онъ моего ре-

бенка у медвѣдя отнялъ; а ты еще сказывалъ, что у него силы нѣтъ“.

Поправилась собака, отъѣлась. „Дай Богъ,—говорить,—здоровья медвѣдю: не далъ помереть съ голоду“, и стала медвѣдю первый другъ.

Разъ у мужика была вечеринка. На ту пору медвѣдь пришелъ къ собакѣ въ гости. „Здорово, песъ! Ну, какъ поживаешь?“ — „Слава Богу!—отвѣчаетъ собака.—Не житье, а масленица. Чѣмъ же тебя потчевать? Пойдемъ въ избу; хозяйева загуляли и не увидятъ, какъ ты пройдешь; а ты войди въ избу да поскорѣй подь печку. А я что добуду, тѣмъ и стану тебя потчевать“. Ладно, забрались въ избу. Собака видитъ, что гости и хозяйева охмелѣли, и ну угощать пріятеля. Медвѣдь выпилъ стаканъ-другой водки, и поразобрало его. Гости затагнули пѣсню, и медвѣдю захотѣлось: сталъ свою заводить. А собака уговариваетъ: „Не пой, а то бѣда будетъ!“ Куда! медвѣдь не утихаетъ, а все громче поетъ. Вотъ гости услышали медвѣжій ревъ, похватали колья и давай медвѣдя бить. Онъ вырвался да бѣжать: еле-еле живъ ушлепелся.

ХІ.

Мужикъ, медвѣдь и лиса.

У мужика съ медвѣдемъ была большая дружба. Вотъ и вздумали они вмѣстѣ рѣпу сѣять; посѣяли и начали уговариваться, кому что брать. Мужикъ сказалъ: „Мнѣ корешокъ, а тебѣ, Миша, вершокъ“. Выросла у нихъ рѣпа; мужикъ взялъ себѣ корешки, а Миша вершки. Видитъ Миша, что ошибся, и говоритъ мужику: „Ты, братъ, меня надулъ! Когда будемъ еще что-нибудь сѣять, ужъ меня такъ не проведешь“.

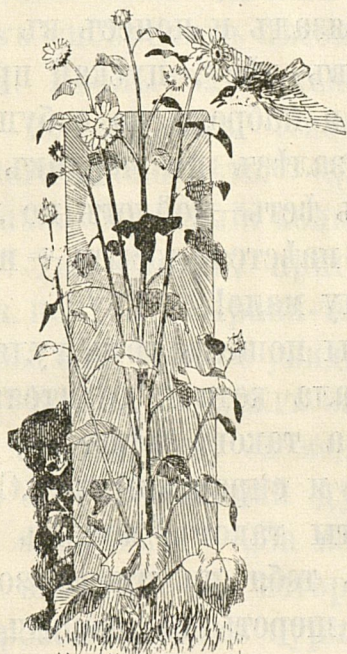
Прошелъ годъ. Мужикъ и говоритъ медвѣдю: „Давай, Миша, сѣять пшеницу“.—„Давай“, говоритъ Миша. Вотъ и посѣяли они пшеницу. Созрѣла пшеница; мужикъ и говоритъ: „Теперь ты что возьмешь, Миша: корешокъ или вершокъ?“ — „Нѣтъ, братъ, теперь меня не надуешь!—подавай мнѣ корешокъ, а себѣ бери вершокъ“. Собрали они пшеницу и раздѣлили. Мужикъ намолотилъ пшеницы, напекъ себѣ ситниковъ, пришелъ къ Мишѣ и говоритъ ему: „Вотъ, Миша, какая верхушка-то!“—„Ну, мужикъ,—говоритъ медвѣдь,—я теперь на тебя сердить, съѣмъ тебя!“

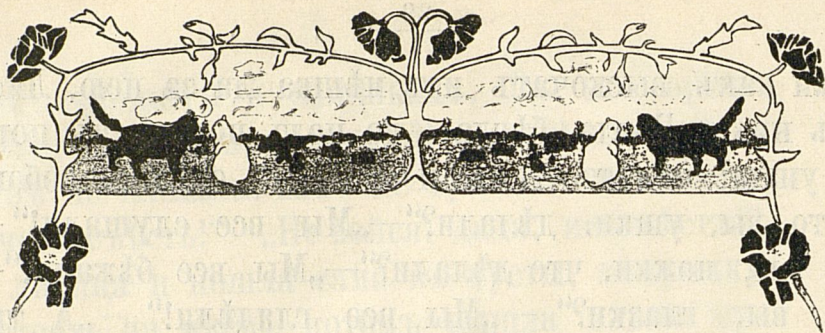
Мужикъ отошелъ и заплакалъ. Въ это время идетъ лиса и говоритъ ему: „Что ты плачешь?“ — „Какъ мнѣ не плакать, какъ не тужить?—меня медвѣдь хочетъ съѣсть!“ — „Не бойся, дядя, не съѣстъ!“ — сказала лисица и пошла сама въ кусты, а мужику велѣла стоять на мѣстѣ; потомъ вышла изъ-за кустовъ и спрашиваетъ: „Мужикъ, а мужикъ! нѣтъ ли здѣсь волковъ-бирюковъ и медвѣдей?“ А медвѣдь подошелъ къ мужику и говоритъ потихоньку: „Ой, мужикъ! не сказывай: не буду тебя ѣсть!“ Мужикъ и говоритъ мнѣ: „Нѣту!“ Лиса засмѣялась и сказала: „А у телѣги-то что лежитъ?“ Медвѣдь потихоньку и говоритъ мужику: „Скажи, что колода“. — „Кабы то была колода, — отвѣчаетъ лиса, — она бы на телѣгѣ была увязана!“ — и сама убѣжала опять въ кусты. Тогда медвѣдь сказалъ мужику: „Свяжи меня и положи въ телѣгу“. Мужикъ такъ и сдѣлалъ. Вотъ лиса опять воротилась и спрашиваетъ мужика: „Мужикъ, а мужикъ! нѣтъ ли у тебя тутъ волковъ-бирюковъ и медвѣдей?“ — „Нѣту!“ отвѣчаетъ мужикъ. „А на телѣгѣ-то что лежитъ?“ — „Колода“. — „Кабы то была колода, — сказала лиса, — въ нее бы топоръ былъ воткнутъ“. Медвѣдь и говоритъ мужику потихоньку: „Воткни въ меня топоръ“. Мужикъ воткнулъ ему топоръ въ спину, медвѣдь и издохъ.

Вотъ лиса и говоритъ мужику: „Что теперь, мужикъ, ты мнѣ за работу дашь?“ — „Дамъ я тебѣ пару бѣлыхъ куръ, — говоритъ мужикъ, — а ты неси — не гляди“. Лиса взяла у мужика мѣшокъ и понесла; шла, шла и думаетъ: „Дай погляжу, что въ мѣшкѣ лежитъ“, глянула, а тамъ двѣ бѣлыя собаки. Со-

баки какъ выскочать изъ мѣшка да за нею. Лиса отъ нихъ. Бѣгла, бѣгла — да подъ пенекъ въ пору и ушла; сидитъ тамъ и говоритъ сама съ собою: „Что вы, ушки, дѣлали?“ — „Мы все слушали!“ — „А вы, ножки, что дѣлали?“ — „Мы все бѣжали!“ — „А вы, глазки?“ — „Мы все глядѣли!“ — „А ты, хвостъ?“ — „А я все мѣшалъ тебѣ бѣжать!“ — „А! ты все мѣшалъ! постой же, я тебѣ дамъ!“ — взяла да и высунула хвостъ собакамъ.

Собаки ухватились за хвостъ, вытащили лису и разорвали.

ХЦ.

Коть и лиса.

Жиль-быль мужикъ; у него былъ котъ, такой воришка, что бѣда! Надоѣлъ онъ мужику. Вотъ мужикъ думаль-думаль, взялъ кота, посадилъ въ мѣшокъ, завязалъ и понесъ въ лѣсъ. Пришелъ и бросилъ его въ лѣсу: пускай пропадаетъ! Коть ходилъ-ходилъ и набрелъ на избушку, въ которой лѣсникъ жилъ, залѣзъ на чердакъ и полеживаеъ себѣ, а захочетъ ѣсть—пойдетъ по лѣсу птичекъ да мышей ловить; наѣстся досыта—и опять на чердакъ, и горя ему мало!

Вотъ однажды пошелъ котъ гулять, а навстрѣчу ему лиса. Увидала кота и дивится: „Сколько лѣтъ живу въ лѣсу, а такого звѣря не видывала!“ Поклонилась коту и спрашиваетъ: „Скажись, добрый молодецъ, кто ты таковъ? какимъ случаемъ сюда зашелъ и какъ тебя по имени зовутъ?“ А котъ вскинулъ свою шерсть и говоритъ: „Я изъ сибирскихъ лѣсовъ присланъ къ вамъ бурмистромъ, а зовутъ меня Котофей Иванычъ!“—„Ахъ, Котофей Иванычъ,—говоритъ лиса,—не знала я про тебя, не вѣдала. Ну, пойдѣмъ же ко мнѣ въ гости!“ Коть по-

шелъ къ лисицѣ; а она привела его въ свою нору и стала потчевать разною дичинкою, а сама выспрашиваетъ: „А что, Котофей Иванычъ, женатъ ты или холостъ?“—„Холостъ“, говоритъ котъ. „И я, лисица, дѣвица; возьми меня замужъ!“ Котъ согласился, и начался у нихъ пиръ да веселье.

На другой день отправилась лиса добывать припасовъ, чтобы было чѣмъ съ молодымъ мужемъ жить; а котъ остался дома. Бѣжитъ лиса, а навстрѣчу ей попадается волкъ и началъ ее задирать. „Пусти, дуракъ! что задираешь?—говоритъ лисица.—Я теперь замужемъ!“—„За кого же ты вышла, Лизавета Ивановна?“—„Развѣ ты не слыхалъ, что къ намъ изъ сибирскихъ лѣсовъ присланъ бурмистръ Котофей Иванычъ? Я теперь бурмистрова жена!“—„Нѣтъ, не слыхалъ, Лизавета Ивановна. Какъ бы на него посмотрѣть?“—„У! Котофей Иванычъ у меня такой сердитый: коль кто не по немъ, сейчасъ съѣстъ! Ты, смотри, приготовь барана да принеси ему на поклонъ; барана-то положи, а самъ схоронись, чтобы онъ тебя не увидѣлъ, а то, братъ, туго придется!“ Волкъ побѣжалъ за бараномъ.

Идетъ лиса, а навстрѣчу ей медвѣдь и сталъ ее задирать. „Что ты, косопланный дуракъ, трогаешь меня? Я теперь замужемъ!“—„За кого же ты, Лизавета Ивановна, вышла?“—„А который присланъ къ намъ изъ сибирскихъ лѣсовъ бурмистромъ, зовутъ Котофей Иванычъ,—за него я и вышла“.—„Нельзя ли посмотрѣть его, Лизавета Ивановна?“—„У! Котофей Иванычъ у меня такой сердитый: коли кто не по немъ, сейчасъ съѣстъ! Ты ступай приготовь

быка да принеси ему на поклонъ; волкъ барана хочеть принестъ. Да, смотри, быка-то положи, а самъ схоронись, чтобъ Котофей Иванычъ тебя не увидѣлъ, а то, братъ, туго придется!“ Медвѣдь потащился за быкомъ.

Принесъ волкъ барана, ободралъ шкуру и стоитъ въ раздумьи; смотритъ — и медвѣдь лѣзетъ съ быкомъ. „Здравствуй, братъ Михайло Иванычъ!“ — „Здравствуй, братъ Левонъ! Что, не видалъ лисицы съ мужемъ?“ — „Нѣтъ, братъ, давно ожидаю“. — „Такъ ступай зови“. — „Нѣтъ, не пойду, Михайло Иванычъ! самъ иди, ты посмѣлѣе меня“. — „Нѣтъ, братъ Левонъ! и я не пойду“. Вдругъ откуда нѣ взялся — бѣжитъ заяцъ. Медвѣдь какъ крикнетъ на него: „Поди-ка сюда, косою пострѣль!“ Заяцъ испугался, прибѣжалъ. „Ну что, косою, знаешь, гдѣ живетъ лисица?“ — „Знаю, Михайло Иванычъ!“ — „Ступай же скорѣе да скажи ей, что Михайло Иванычъ съ братомъ Левонъ Иванычемъ давно ужъ готовы, ждуть-де тебя съ мужемъ, хотять поклониться бараномъ да быкомъ“.

Заяцъ пустился къ лисѣ во всю прыть. А медвѣдь и волкъ стали думать, гдѣ бы спрятаться. Медвѣдь и говоритъ: „Я полѣзу на сосну“. — „А мнѣ что же дѣлать? — спрашиваетъ волкъ. — Я куда дѣнусь? вѣдь я на дерево ни за что не взберусь... Михайло Иванычъ, схорони ты меня пожалуйста куда-нибудь, помоги горю“. Медвѣдь положилъ его въ кусты и завалилъ сухими листьями, а самъ взлѣзъ на сосну, на самую макушку, и поглядываетъ: не идетъ ли Котофей съ лисою.

Заяць межъ тѣмъ прибѣжалъ къ лисицыной норкѣ, постучался и говоритъ лисѣ: „Михайло Иванычъ съ братомъ Леономъ Иванычемъ прислали сказать, что они давно готовы, ждутъ тебя съ мужемъ, хотятъ поклониться быкомъ да бараномъ“. — „Ступай, косой! — говоритъ лиса. — Сейчасъ будемъ“.

Вотъ идетъ котъ съ лисою. Медвѣдь увидалъ ихъ и говоритъ волку: „Ну, братъ Левонъ Иванычъ, идетъ лиса съ мужемъ, — какой же онъ маленькій!“ Пришелъ котъ и сейчасъ же бросился на быка, шерсть на немъ взъерошилась, и началъ онъ рвать мясо и зубами и лапами, а самъ мурчитъ, будто сердится: „мало, мало!“ А медвѣдь говоритъ: „Не великъ, да прожористъ! Намъ четверымъ не съѣсть, а ему одному мало; пожалуй, и до насъ доберется“. Захотѣлось волку посмотрѣть на Котофея Иваныча, да сквозь листья не видать, — и началъ онъ прокапывать надъ глазами листья; а котъ услыхалъ, что листъ шевелится, подумалъ, что это мышь, да какъ кинется и прямо волку въ морду вцѣпился когтями. Волкъ вскочилъ да давай Богъ ноги! и былъ таковъ. А котъ самъ испугался и бросился прямо на дерево, гдѣ медвѣдь сидѣлъ. „Ну, — думаетъ медвѣдь, — увидалъ меня!“ Слѣзать-то некогда, — вотъ онъ положился на Божью волю да какъ шмякнется съ дерева оземь: всю печенку отбилъ; вскочилъ да бѣжать! А лисица велѣдъ кричить: „Вотъ онъ вамъ задасть, погодите!“

Съ той поры всѣ звѣри стали кота бояться. А котъ съ лисой запаслись на цѣлую зиму мясомъ и стали себѣ жить да поживать, и теперь живутъ, хлѣбъ жуютъ.

Волкъ - дурень.

Въ одной деревнѣ жилъ-былъ мужикъ, у него была собака; смолоду сторожила она весь домъ, а какъ пришла тяжелая старость—и брехать перестала. Надоѣла она хозяину. Вотъ онъ собрался, взять веревку, зацѣпилъ собаку за шею и повелъ ее въ лѣсъ; привелъ къ осинѣ и хотѣлъ было удавить, да какъ увидѣлъ,

что у стараго пса текутъ по мордѣ горькія слезы, ему и жалко стало: смиловался, привязалъ собаку къ осинѣ, а самъ отправился домой.

Остался бѣдный песъ въ лѣсу и началъ плакать и проклинать свою долю. Вдругъ идетъ изъ-за кустовъ большущій волкъ, увидалъ его и говоритъ: „А! здравствуй, песъ! долгонько поджидалъ тебя въ гости. Бывало, ты прогонялъ меня отъ своего дома, а теперь самъ ко мнѣ попался: что захочу, то надъ тобой и сдѣлаю. Ужъ я тебѣ за все отплачу!“ — „А что хочешь ты, сѣрый волкъ, надо мною сдѣлать?“ — „Да немного: съѣмъ тебя со всей шкурой и костями“. — „Ахъ ты, глупый сѣрый волкъ! съ жиру самъ не знаешь, что дѣлаешь: послѣ вкусной говядины станешь ты жрать старое и худое песье мясо? Зачѣмъ тебѣ понапрасну ломать объ меня свои старые зубы? вѣдь мое мясо теперь словно гнилая колода! А вотъ я лучше тебя научу: поди-ка да принеси мнѣ пудика три хорошей кобылятинки, поправь меня немножко, да тогда и дѣлай со мной, что тебѣ угодно“.

Волкъ послушалъ собаку, пошелъ и притащилъ ей половину кобылы: „Вотъ тебѣ и говядина! Смотри, поправляйся!“ Сказалъ и ушелъ. Собака стала прибирать мяско — и все поѣла. Черезъ два дня приходитъ сѣрый дуракъ и говоритъ собакѣ: „Ну, братъ, поправился или нѣтъ?“ — „Маленько поправился: коли бы еще принесъ ты мнѣ какую-нибудь овцу, мясо мое сдѣлалось бы не въ примѣръ слаще!“ Волкъ и на то согласился. Побѣжалъ въ чистое поле, легъ въ лощинѣ и сталъ караулить, когда погонитъ пас-

тухъ свое стадо. Вотъ пастухъ и гонить стадо; волкъ высмотрѣлъ изъ-за куста овцу, которая по-жириѣе да побольше, вскочилъ и бросился на нее, ухватилъ за шиворотъ и потащилъ къ собакѣ. „Вотъ тебѣ овца: поправляйся!“ Стала собака поправляться, съѣла овцу и почувяла въ себѣ силу. Пришелъ волкъ и спрашиваетъ: „Ну что, братъ, каковъ теперь?“—„Еще немножко худъ. Вотъ когда б ты принесъ мнѣ какого-нибудь кабана, такъ я бы разжирѣлъ, какъ свинья!“ Волкъ добылъ и кабана, принесъ и говоритъ: „Это моя послѣдняя служба! Черезъ два дня приду къ тебѣ въ гости“.— „Ну, ладно, — думаетъ собака:—я съ тобою поправлюсь!“

Черезъ два дня идетъ волкъ къ откормленному псу, а песъ завидѣлъ его и сталъ брехать. „Ахъ ты мерзкій песъ!—сказалъ сѣрый волкъ.—И смѣешь ты меня бранить?“—и тутъ же бросился на собаку и хотѣлъ ее разорвать. Но собака собралась уже съ силами, стала съ волкомъ въ дыбки и начала его такъ потчевать, что съ сѣраго только космы летятъ. Волкъ вырвался да бѣжать скорѣе. Отбѣжалъ далеко, захотѣлъ остановиться, да какъ услышалъ собачій лай—опять припустилъ; прибѣжалъ въ лѣсъ, легъ подъ кустомъ и началъ зализывать свои раны. „Вишь какъ обмануль мерзкій песъ!—говоритъ волкъ самъ съ собою.—Постой же, теперь на кого ни нападу, ужъ тотъ изъ моихъ зубовъ не вырвется!“

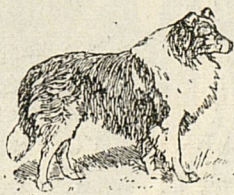
Зализалъ волкъ раны и пошелъ за добычей. Смотритъ, на горѣ стоитъ большой козель. Волкъ

къ нему и говорить: „Козель, а козель! я пришелъ тебя съѣсть!“ — „Ахъ ты, сѣрый волкъ! для чего станешь ты понапрасну ломать объ меня свои старые зубы? А ты лучше стань подь горою и разинь свою широкую пасть: я разбѣгусь да таки прямо тебѣ въ ротъ, — ты меня и проглотишь!“ Волкъ сталъ подь горою и разинулъ свою широкую пасть; а козель себѣ на умѣ: полетѣлъ съ горы какъ стрѣла, ударилъ волка рогами въ лобъ, да такъ крѣпко, что тотъ съ ногъ свалился, — а козель и былъ таковъ! Часа черезъ три очнулся волкъ; голову такъ и ломить ему отъ боли. Сталъ онъ думать: проглотилъ ли онъ козла, или нѣтъ? Думаль-думаль, гадалъ-гадалъ: „Коли бъ я съѣлъ козла, у меня брюхо-то было бы полнехонько; кажется, онъ, бездѣльникъ, меня обманулъ! Ну, ужъ теперь я буду знать, что дѣлать!“

Сказаль это волкъ и пустился къ деревнѣ; увидалъ свинью съ поросятами и бросился было схватить поросенка. А свинья не даетъ. „Ахъ ты, свиная харя! — говоритъ ей волкъ. — Какъ смѣешь грубить? Да я и тебя разорву и твоихъ поросятъ за одинъ разъ проглочу“. А свинья отвѣчаетъ: „Ну, до сей поры не ругала я тебя, а теперь скажу, что ты большой дурачина!“ — „Какъ такъ?“ — „А вотъ какъ! Самъ ты, сѣрый, посуди: какъ тебѣ ѣсть моихъ поросятъ? — вѣдь они недавно только родились: надо ихъ обмыть; будь ты моимъ кумомъ, а я твоей кумою, — станемъ ихъ, малыхъ дѣтушекъ, крестить“. Волкъ согласился. Вотъ хорошо, пришли они къ большой мельницѣ. Свинья и говоритъ

волку: „Ты, любезный кумъ, становись по ту сторону заставки, гдѣ воды нѣту, а я пойду стану поросять въ чистую воду окунать да тебѣ по одному подавать“. Волкъ обрадовался, думаетъ: „Вотъ когда попадетъ въ зубы добыча-то!“ Пошелъ сѣрый дуракъ подъ мостъ, а свинья тотчасъ схватила заставку зубами, подняла ее и пустила воду. Вода какъ хлынетъ — и потащила за собой волка и начала его вертѣть. А свинья съ поросятами отправилась домой.

Кое-какъ выбрался сѣрый волкъ на берегъ и пошелъ съ голоднымъ брюхомъ рыскать по лѣсу. Наконецъ не вытерпѣлъ, пустился опять къ деревнѣ и видитъ: лежитъ около гумна падалъ. „Хорошо, — думаетъ волкъ: — вотъ придетъ ночь; наѣмся хоть этой падали“. Пришла ночь; волкъ пустился къ гумну и сталъ уписывать падалъ. Но его ужъ давно поджидалъ охотникъ; ударилъ онъ изъ ружья — и сѣрый волкъ покотился съ разбитою головою.

Старая хлѣбъ-соль забывается.

Попался было бирюкъ въ капканъ, да кое-какъ вырвался и сталъ пробираться въ глухую сторону. Завидѣли его охотники и стали за нимъ гнаться. Пришлось бирюку бѣжать чрезъ дорогу, а на ту пору шелъ по дороге мужикъ съ поля съ мѣшкомъ и цѣпомъ. Бирюкъ къ нему: „Сдѣлай ми-

лость, мужичокъ, схорони меня въ мѣшокъ: за мной охотники гоняты!" Мужикъ согласился, запряталъ его въ мѣшокъ, завязалъ и взвалилъ на плечи. Идетъ дальше, а навстрѣчу ему охотники. „Не видалъ ли, мужичокъ, бирюка?“ спрашиваютъ они. „Нѣтъ, не видалъ!“ отвѣчаетъ мужикъ. Охотники поскакали впередъ и скрылись изъ виду.

„Что, ушли мои злодѣи?“ спрашиваетъ бирюкъ. „Ушли“. — „Ну, теперь выпусти меня на волю“. Мужикъ развязалъ мѣшокъ и выпустилъ бирюка на вольный свѣтъ. „А что, мужикъ, я тебя съѣмъ!“ говоритъ бирюкъ. „Ахъ, бирюкъ, бирюкъ! — сказалъ ему мужикъ. — Я тебя изъ какой неволи выручилъ, а ты меня съѣсть хочешь!“ — „Старая хлѣбъ-соль забывается!“ отвѣчалъ бирюкъ. Мужикъ видитъ, что дѣло-то плохо, и говоритъ: „Ну, коли такъ, пойдёмъ дальше, и если первый, кто съ нами встрѣтится, скажетъ по-твоему, что старая хлѣбъ-соль забывается, тогда, дѣлать нечего, съѣшь меня!“

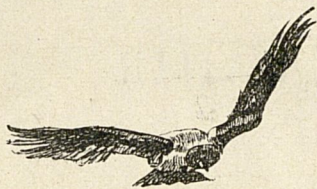
Пошли они дальше. Повстрѣчалась имъ старая кобыла. Мужикъ къ ней съ вопросомъ: „Сдѣлай милость, кобылушка-матушка, разсуди насъ! Вотъ я бирюка изъ большой неволи выручилъ, а онъ хочетъ меня съѣсть!“ — и рассказалъ ей все, что было. Кобыла подумала-подумала и говоритъ: „Жила я у хозяина двѣнадцать лѣтъ, принесла ему двѣнадцать жеребятъ, изо всѣхъ силъ на него работала, а какъ стала стара и пришло мнѣ немоготу работать — онъ взялъ да и стащилъ меня подъ яръ: ужъ я лѣз-

ла-лѣзла, насыпу вылѣзла, и теперь вотъ плетусь, куда глаза глядятъ... Да, старая хлѣбъ-соль забывается“.

„Видишь, моя правда!“ молвилъ бирюкъ. Мужикъ опечалился и сталъ просить бирюка, чтобъ подождать до другой встрѣчи. Бирюкъ согласился и на это. Повстрѣчалась имъ старая собака. Мужикъ къ ней съ тѣмъ же вопросомъ. Собака подумала-подумала и сказала: „Служила я хозяину двадцать лѣтъ, оберегала его домъ и скотину, а какъ состарилась и перестала брехать—онъ прогналъ меня со двора, и вотъ плетусь я, куда глаза глядятъ... Да, старая хлѣбъ-соль забывается“.

„Ну, видишь, моя правда!“ молвилъ бирюкъ. Мужикъ еще пуще опечалился и упросилъ бирюка обождать до третьей встрѣчи, — „а тамъ дѣлай, какъ знаешь, коли хлѣба-соли моей не помнишь“. Въ третій разъ повстрѣчалась имъ лиса. Мужикъ повторилъ ей свой вопросъ. Лиса стала спорить: „Да какъ это можно, чтобы бирюкъ, этакая большая туша, могъ помѣститься въ этакое малое мѣсто?“ И бирюкъ и мужикъ побожились, что это истинная правда; но лиса все-таки не вѣрила и сказала: „А ну-ка, мужичокъ, покажь, какъ ты сажалъ его въ мѣшокъ-то!“ Мужикъ разставилъ мѣшокъ, а бирюкъ всунулъ туда голову. Но лиса закричала: „Да развѣ ты одну голову пряталъ въ мѣшокъ?“ Бирюкъ влѣзъ совсѣмъ. „Ну-ка, мужичокъ,—продолжала лиса,—покажи, какъ ты завязывалъ?“ Мужикъ завязалъ. „Ну-ка, мужичокъ, какъ ты въ полѣ хлѣбъ-то моло-

тилъ?" Мужикъ началъ молотить щѣпомъ по мѣшку.
„Ну-ка, мужичокъ, какъ ты отворачивалъ?" Мужикъ
сталъ отворачивать, да задѣлъ лису по головѣ и
убилъ ее до-смерти, приговаривая: „Старая хлѣбъ-
соль забывается!"

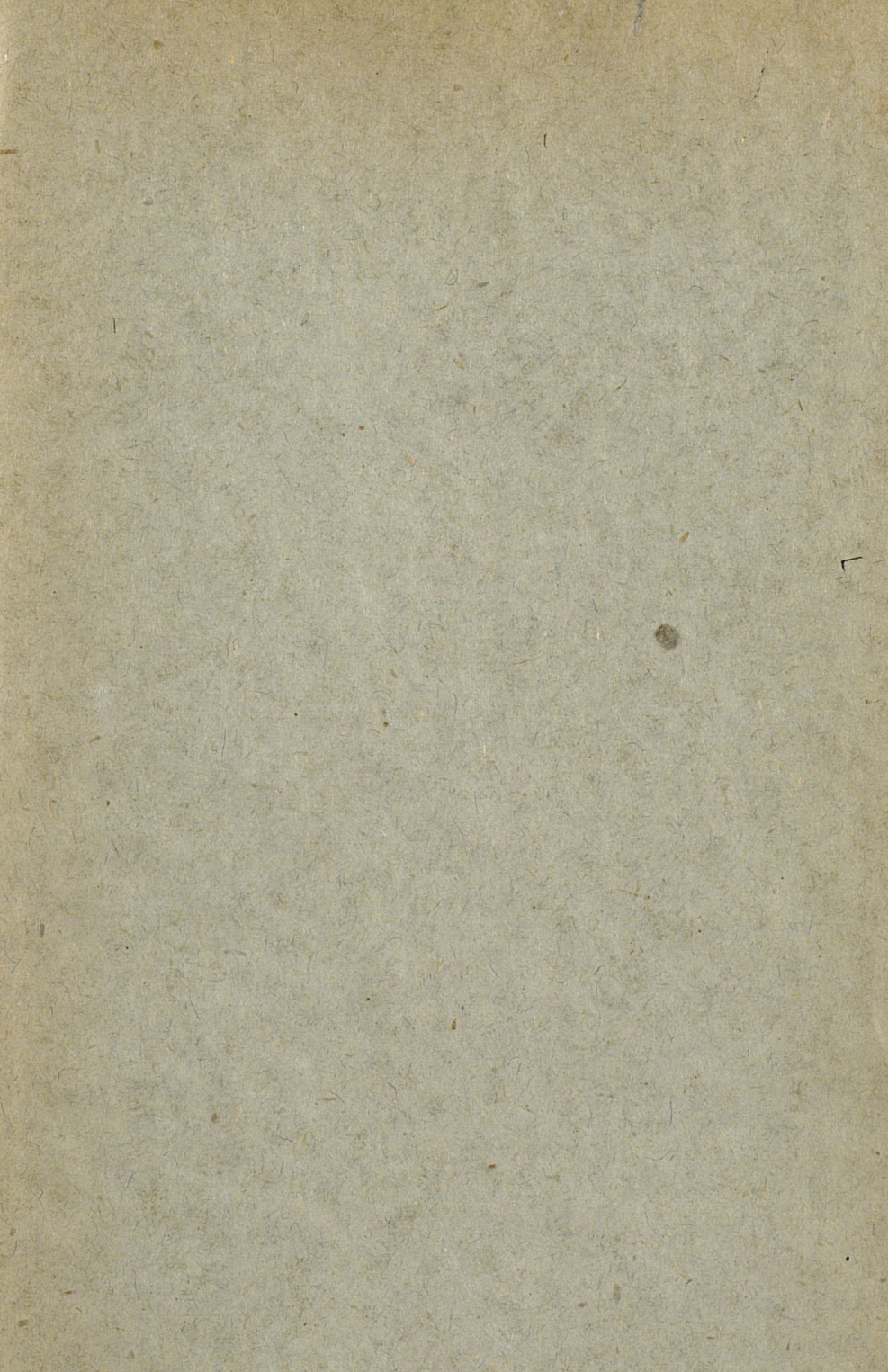

VII. 18747.

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Зимовье звѣрей	3
II. Лиса и ракъ	7
III. Ворона и ракъ	8
IV. Лиса и тетеревъ	10
V. Лиса и журавль	12
VI. Журавль и цапля	14
VII. Звѣри въ ямѣ	17
VIII. Овца, лиса и волкъ	19
IX. Волкъ и портной	21
X. Медвѣдь, и собака	23
XI. Мужикъ медвѣдь и лиса	27
XII. Котъ и лиса	30
XIII. Волкъ-дурень	35
XIV. Старая хлѣбъ-соль забывается.	40

10

PKT
AF

2007066759